

Давыдов. ТЕНЬ ТАМПЛИЕРОВ

Сергей Александров

Давыдов.

Сергей Александров

Давыдов. Тень Тамплиеров

«Автор»

2026

Александров С.

Давыдов. Тень Тамплиеров / С. Александров — «Автор»,
2026 — (Давыдов.)

Его нанимают там, где бессильны музеи и спецслужбы. Лучший охотник за древностями Сергей Давыдов получает заказ, от которого невозможно отказаться: найти легендарный трактат тамплиеров «Oculus Dei Templaris» — оружие, управляющее разумом. Психотронная технология, не оставляющая следов. За книгой охотятся агенты ЦРУ и международная сеть заговорщиков под видом культа Митры. Каждый новый шаг Давыдова приближает не разгадку, а пулю. Он вступает в игру, где ставка — его жизнь. Ему предстоит расшифровать древний манускрипт, вскрыть заговор семисотлетней давности и обнаружить, что тамплиеры оставили след в России — след, ведущий прямо к нему самому. «Давыдов. Тень тамплиеров» — первая книга цикла. Здесь есть всё: средневековые шифры, смертельные погони, предательство и любовь на острие ножа. Откройте — и вы поймёте: некоторые тайны не умирают. Они просто ждут своего часа.

© Александров С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Александров

Давыдов. Тень Тамплиеров

ПРОЛОГ

Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam

10 октября 1307 года, окрестности Ла-Рошели.

Удар был очень сильный. Воин, ехавший рядом с Симоном де Ля Пету, опрокинул голову назад и с трудом удержался в седле. Арбалетный болт оставил на шлеме глубокую вмятину, по лицу тамплиера потекла струйка крови, смешиваясь с дорожной пылью и потом. Несмотря на шок и головокружение, тот остался в седле, вцепившись в поводья побелевшими пальцами. Ля Пету придержал своего вороного жеребца и спокойно, почти буднично сказал:

— Дорогой брат Гийом, прошу тебя прикрывать наш тыл. Это приказ. Будем тянуть время, насколько возможно.

Брат Гийом, молодой рыцарь с едва пробивающейся бородкой, кивнул, хотя в его глазах читался страх. Он знал, что означает этот приказ. Симон де Ля Пету, маршал командорства, собирался отвлечь внимание наёмников на себя, давая остальным шанс уйти или дожидаться подмоги. Гийом развернул коня и приготовился к худшему, шепча про себя молитву.

Ля Пету, подняв кверху руку с белым платком — знаком перемирия, — шагом поехал в сторону обнаруженной засады. Его движения были неторопливыми, исполненными достоинства, словно он выезжал не навстречу смерти, а на рыцарский турнир. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо над Ла-Рошелем в багряные и золотые тона, и в этом свете белый плащ тамплиера с красным крестом казался особенно ярким, почти сияющим.

В этот момент впереди, на вершине небольшого холма, словно из-под земли выросли три дюжины арбалетчиков-генуэзцев с большими щитами-павезами. Они возникли бесшумно, как призраки, и следующие несколько секунд могли бы стать для маленького отряда храмовников настоящим адом. На рыцарей смотрели смертельные жала болтов наёмников-баллестриери. Каждый из этих людей был профессионалом, готовым за звонкую монету убить кого угодно — хоть крестьянина, хоть короля, хоть служителя Господа.

Один из них, коренастый, невысокого роста, отделился от ровного строя и зашагал навстречу. Он двигался с той особой, чуть раскачивающейся походкой, которая выдаёт человека, привыкшего к качке на корабле. Картинно выставив правую ногу вперёд, он крикнул несколько писклявым голосом на весьма плохом французском, коверкая слова:

— Есть ли среди вас тот, кого называют Анри де Сен-Клер?

Тамплиер медленно двинул коня в направлении кутающегося в серый плащ наёмника. Жеребец, почувствовав напряжение хозяина, всхрапнул и мотнул головой, но Ля Пету легко успокоил его, погладив по шее.

— Меня зовут Симон де Ля Пету! Я маршал командорства Ордена Храма в Сен-Мартен-де-Ре, возвращаюсь в Ла-Рошель со срочным письмом! Кто ты? И по какому праву заслонил своим отрядом дорогу мне и моим братьям?

Небольшой человек, ничуть не смутившись и не меняя ни позы, ни интонации, заявил с той же наглой уверенностью:

— Меня зовут Доминик Мателлани! Командир особого отряда его величества короля Филиппа. У меня приказ доставить к королю рыцаря Анри де Сен-Клера, а также изъять все документы, письма и ценности, которые будут при нём обнаружены! Также у меня приказ, если он не подчинится, привезти его силой. Ещё раз повторяю свой вопрос: есть ли среди вас тот, кого называют Анри де Сен-Клером?

Маску невозмутимости на лице тамплиера на миг тронуло некое подобие улыбки в уголках губ, очерченных тёмно-рыжей короткой бородой. Глубокие серые глаза укололи Мателлани

в самую глубь его сознания, словно проникая сквозь плоть и читая все его страхи и грехи. Генуэзец от этого взгляда поморщился, словно от внезапной боли, и непроизвольно отвёл глаза. Остановив коня в шаге от собеседника, Ля Пету с лёгкой издёвкой в голосе медленно произнёс:

— Досточтимый мэтр Мателлани! Как же, мне ли не знать твоё имя. Я хорошо помню, как отряд под предводительством твоего доблестного отца героически отступил из осаждённой сарацинами Акры на свои корабли и отплыл, едва дождавшись попутного ветра! Бросив на произвол судьбы рыцарей-госпитальеров, которые прикрывали их отход. Славная страница в истории вашей семьи, не правда ли?

Доминик Мателлани побагровел. Кровь прилила к его лицу, сделав его похожим на переспелый томат. Никто и никогда не смел разговаривать с ним, соратником доверенного лица французского монарха, Гийома де Ногаре, в подобном тоне, даже сам король Филипп. А кто пробовал — тот обычно заканчивал либо с дыркой от меча в животе, либо с арбалетным болтом в спине. Вообще баллестриери был хорошим поединщиком. Позднее таких, как он, будут называть бретёрами — людьми, для которых дуэль является способом решения любых вопросов. Характер он имел надменный, нередко вёл себя агрессивно и вызывающе. Часто сам искал повод для выяснения отношений и всегда выходил победителем из любой схватки. А если считал, что противник слишком сильный или слишком влиятельный, то вопрос решался иначе — яд в кубке, удар в спину тёмной ночью, подкуп слуг. В любом случае, Мателлани всегда удавалось выходить из всех передраг живым и относительно здоровым. Однако в случае со стоящим перед ним храмовником он впервые в жизни по-настоящему испугался. При этом перед своими людьми не ответить на подобное оскорбление было категорически невозможно — потеря лица перед наёмниками означала потерю авторитета, а потеря авторитета для такого, как Мателлани, была равносильна смерти.

Тем временем Ля Пету, по достоинству оценив налитую кровью физиономию своего визави и все эмоции, на ней написанные, а также краем глаза заметив, что генуэзцы опустили арбалеты и с интересом наблюдают за их беседой, спокойно продолжал. Его голос звучал ровно, словно он читал проповедь в церкви, а не разговаривал с вооружённым до зубов убийцей:

— И ещё хочу тебе напомнить, что тот, о котором ты спрашиваешь, является сенешалем великого магистра нашего ордена Жака де Моле. А рыцари ордена Храма не подвластны власти монархов. Мы подчиняемся только Папе Римскому и Господу Богу. Я не стану тебе отвечать на твой безрассудный вопрос и могу забыть твоё наглое поведение. Господь простит тебе твои прегрешения, если ты покаешься. Прямо сейчас. Встань на колени и попроси прощения у Небес.

Генуэзец даже слегка попятился назад. Понимая, что его провоцируют, он не мог произнести ни слова, так как в силу ограниченности ума при огромной живости характера Доминик не был искусным дипломатом и царедворцем. Он знал множество способов лишить человека жизни, он владел тактикой боя, мог вести за собой отряды воинов и умел управлять кораблём. Но во всём остальном дальше своего носа не видел. Всё его нутро взывало к немедленной мести. Серые глаза тамплиера смотрели внутрь его души, сковывали его волю и уста. Он никогда не видел таких глаз, не встречал такого пронзающего взгляда — взгляда, который, казалось, видит все его грехи, все подлости, все убийства, совершённые ради золота. Но опозорить себя молчанием было недопустимо. Сзади начинали роптать его баллестриери — до него доносились приглушённые смешки и недовольные возгласы. Сдвинув с головы капюшон и одновременно вытерев холодный пот со лба, командир наёмников страшным усилием воли открыл рот для того, чтобы восстановить status quo, но тут произошло страшное — во всяком случае, для него. Конь храмовника неожиданно для всех громко фыркнул, выпустив из ноздрей облачко пара. Мателлани от неожиданности сделал шаг назад и, споткнувшись о камень, неловко взмахнул руками и упал навзничь, больно ударившись спиной о мёрзлую землю. Шлем

откатился в сторону, обнажив копну чёрных как смоль, всклокоченных, давно не мытых волос, в которых запутались сухие травинки.

Дружный искренний хохот обеих сторон заглушил приближающийся гул. Смеялись все — и генуэзские наёмники, забывшие о субординации, и тамплиеры, оценившие комизм ситуации. Опозоренный и униженный, лишившийся всякого чувства страха Доминик вскочил и, выхватив короткий меч, с нечленораздельным воплем бросился на Симона де Ля Пету. Рыцарь резким движением обрушил свой клинок плашмя на открытую всему миру макушку Мателлани. Удар был выверен до миллиметра — не убить, но оглушить. Последним, что услышал перед тем, как потерять сознание, поверженный баллестриери, был жуткий рёв нескольких десятков глоток: «Vive Dieu Saint Amour!» — «Слава Богу, Святая Любовь!», древний боевой клич тамплиеров.

Арбалетчики, только что смеявшиеся над своим командиром, с удивлением увидели, как к ним галопом приближается не менее чем сотня всадников, одетых в белые плащи с красным крестом на груди, в полном боевом облачении, с копьями наперевес. Земля дрожала под копытами боевых коней. Наёмники, безусловно, могли ещё успеть собрать строй и поднять арбалеты. Но остановить таранный удар конницы тамплиеров без длинных копий и явно уступая числом было невозможно. К тому же они шли охотиться лишь на пятерых рыцарей-храмовников. И даже при том, что один тамплиер стоил нескольких из них, небезосновательно рассчитывали на успех и на свои арбалеты. А при таком раскладе, как ни крути, их всех дружно растоптали бы за несколько минут. Поэтому наёмники оценили ситуацию верно и быстро. Павезы, арбалеты и всё остальное оружие моментально полетело на землю. Уже через минуту они были окружены всадниками в белых плащах. Командор Жан де Сен-Леже, возглавлявший отряд, подъехал к Ля Пету и, сняв шлем, сказал:

— Слава Богу, мы успели. Твой оруженосец доскакал до командорства за два часа, загнал коня, но успел. Что здесь произошло?

— Засада королевских наёмников, — ответил Ля Пету, убирая меч в ножны. — Они искали сенешаля. У них приказ от самого Филиппа. Это война, брат. Король объявил нам войну.

* * *

Остров Ре, резиденция командора ордена Храма. Той же ночью.

Сенешаль и доверенное лицо великого магистра Анри де Сен-Клер, передав плащ и броню подошедшему сержанту, устало опустился на скамью. Его движения выдавали крайнюю степень изнеможения — человека, который не спал несколько суток и провёл это время в постоянном напряжении. На длинном столе в кабинете командора появилось холодное мясо, овощи и два кувшина: с вином и с чистой водой. Сен-Клер был уже далеко не молод — ему перевалило за пятьдесят, что по тем временам считалось почтенным возрастом. Он очень устал, но не притронулся к пище. Он стянул перчатки и обратился к присутствующим:

— Слава Господу нашему, мои братья! Благодарю тебя, мой верный соратник Симон де Ля Пету, за то, что отвлёк на себя засаду королевских наёмников. И тебя, командор Жан де Сен-Леже, за то, что поднял всех, кого смог, и поспешил к нам на помощь. Вижу, мой оруженосец, которого я ещё вчера послал к вам вперёд себя, достойно справился с заданием. Жаль только, что коня загнал — хороший был жеребец.

Ля Пету заметил, как за последние два месяца осунулось благородное лицо Сен-Клера. Он смотрел на впалые щёки, иссечённый морщинами лоб над седыми бровями и на старый тёмно-розовый шрам, уходивший от виска в белую бороду — след сарацинской сабли, полученный много лет назад в битве при Арсуфе. Губы сенешаля нервно подрагивали. Было видно, что он борется с собой, пытаясь сохранить самообладание перед лицом катастрофы. Тем временем, сделав несколько больших глотков воды, Сен-Клер продолжал:

— Братья мои, время дорого. Все вы знаете о преступном заговоре французского короля против нашего Ордена. Слухи ходят уже несколько месяцев, и сегодня мы получили подтверждение. Но вы не знаете главного. Около месяца назад наш тайный агент, постоянно находящийся при дворе папы Климента, неожиданно прибыл в Парижский Тампль к нашему брату, великому магистру Жаку де Моле. Они говорили около часа за закрытыми дверями. После этого главой нашего Ордена были посланы гонцы в наше командорство на Кипре, а также в Англию, королю Эдуарду. Стало достоверно известно, что папа Климент присоединился к заговору против нас. Король и папа действуют заодно. В пятницу, тринадцатого числа этого месяца, они нанесут удар. По всей Франции будут арестованы наши братья. Инквизиция уже подготовила списки.

В комнате повисла гробовая тишина. Ля Пету и Сен-Леже переглянулись. Они знали, что тучи сгущаются, но не предполагали, что всё настолько серьёзно.

— Наш брат, Жак де Моле, приказал сохранить казну нашего Ордена, наши библиотеки, наши архивы, — продолжал Сен-Клер. — Распоряжения, которые касаются вас обоих, вы найдёте в этом ларце. — Он указал на небольшой окованный железом ящик, стоящий на столе. — А мне необходим короткий отдых. После заутреней мы должны решить, как спасти то, что ещё можно спасти. Но не раньше, чем мы допросим нашего пленного генуэзца. Он важная птица. И он может знать детали, которые помогут нам спасти хотя бы часть братьев.

В этот момент Сен-Клер прислонился к стене, закрыл глаза и мгновенно уснул. Его дыхание стало ровным и глубоким. Ля Пету и Сен-Леже тихо вышли, чтобы не беспокоить сене-шалья.

* * *

Мателлани привели в чувство, вылив на голову ведро ледяной воды. Он закашлялся, замотал головой и попытался вскочить, но крепкие руки сержантов удержали его на месте. Генуэзец сидел на грубой деревянной скамье, прикованный цепями к вбитому в стену кольцу. В подземелье было сыро и темно, единственный факел отбрасывал пляшущие тени на каменные стены. Пахло плесенью и крысами.

Ля Пету и Сен-Леже вошли и встали напротив пленника. Мателлани смотрел на них с ненавистью, но в его глазах читался и страх — страх перед неизвестностью, перед тем, что эти люди, которых он привык считать врагами, могут с ним сделать.

— Итак, Доминик, — спокойно начал Ля Пету, — давай поговорим. Ты сказал, что у тебя приказ от короля Филиппа. Кто именно отдал тебе этот приказ? Сам король? Или, может быть, его доверенное лицо, Гийом де Ногаре?

Мателлани сплюнул на пол.

— Я не обязан отвечать тебе, храмовник. Вы все скоро будете гореть на кострах, как еретики. Ваш орден проклят, и Папа Римский отлучит вас от Церкви.

Сен-Леже сделал шаг вперёд, но Ля Пету остановил его жестом.

— Ты, кажется, не понимаешь своего положения, — всё так же спокойно продолжал Ля Пету. — Ты в плену у тех самых «еретиков», которых тебе приказали захватить. Твои люди разоружены и сидят под замком. Твой отряд разбит. Ты никто. И твоя жизнь сейчас зависит только от того, насколько полезным ты окажешься. Если ты будешь молчать, мы просто казним тебя как разбойника, напавшего на служителей Господа. Если будешь говорить — возможно, сохраним тебе жизнь. Выбирай.

Мателлани долго молчал, переводя взгляд с одного рыцаря на друга. Наконец, видимо, осознав безвыходность своего положения, он заговорил — глухо, нехотя, словно каждое слово давалось ему с болью.

— Приказ отдал лично мессир де Ногаре. Две недели назад он вызвал меня в Париж. Сказал, что король недоволен Орденом Храма. Что тамплиеры слишком сильны и независимы. Что они плетут заговоры против короны. Он приказал мне собрать отряд и перехватить сене-

шалья Анри де Сен-Клера, который должен был возвращаться из поездки по командорствам. Мне велели доставить его в Париж живым или мёртвым, а все документы, которые будут при нём, изъять и передать лично де Ногаре.

— Зачем де Ногаре понадобились документы? — спросил Сен-Леже.

— Этого он не сказал. Но я слышал, как он говорил со своим секретарём. Они упоминали какую-то книгу. *Oculos Dei*, кажется. Де Ногаре сказал, что эта книга важнее всего золота Ордена. Что в ней содержится знание, способное дать власть над миром. И что сенешаль везёт ключи к этой книге.

Ля Пету и Сен-Леже переглянулись. Они знали об *Oculos Dei Templaris* — трактате, который хранился в самых глубоких подземельях Парижского Тампля и содержал древние знания, собранные рыцарями Храма на Востоке. Знали они и то, что доступ к трактату был лишь у избранных — великого магистра, сенешалья и нескольких высших иерархов. То, что де Ногаре охотится именно за этой книгой, подтверждало худшие опасения.

— Что ещё ты слышал? — настаивал Ля Пету. — О планах короля? О сроках?

— Я слышал, что аресты начнутся в пятницу, тринадцатого октября. По всей Франции. Всех тамплиеров схватят и бросят в темницы. Инквизиция уже готовит обвинения в ереси, идолопоклонстве и содомии. Вас объявят вне закона.

— А Папа? Что слышно о Папе?

— Папа Климент... — Мателлани замялся. — Говорят, он сначала колебался. Но король надавил на него, пригрозил раскрыть какие-то старые грехи. И Папа согласился подписать буллу об аресте. Но с одним условием: часть сокровищ Ордена достанется Святому Престолу.

Ля Пету помрачнел. Значит, всё правда. Предательство исходит с самого верха. Король, Папа, инквизиция — все объединились против Ордена.

— У меня больше нет вопросов, — сказал он наконец. — Уведите его.

Когда сержанты выволокли Мателлани из подземелья, Сен-Леже повернулся к Ля Пету.

— Что будем делать? У нас меньше трёх дней.

— Сенешаль приказал готовиться к отплытию. Мы должны спасти то, что можно спасти. Архивы, реликвии, казну. Всё, что не должно достаться королю.

* * *

Остров Ре гудел, как растревоженный улей. Сержанты и слуги грузили на корабли сундуки с документами, золотом и серебром, священные реликвии, привезённые из Святой Земли. Всё делалось в строжайшей тайне: местным жителям было объявлено, что командорство готовится к ежегодной ревизии казны, и никому не позволялось приближаться к причалу.

В гавани стояли восемнадцать кораблей. Большие нефы, способные выдержать долгое плавание, и быстроходные галеры для сопровождения. Командовал флотилией старый моряк Гуго де Фонтен, ветеран крестовых походов, который знал все течения и ветра от Ла-Рошели до краёв земли. Именно ему сенешаль поручил самое важное: увести флот в безопасное место.

Сен-Клер, проснувшийся после короткого отдыха, собрал узкий круг доверенных лиц в своей келье. Кроме Ля Пету и Сен-Леже, там были Гуго де Фонтен и ещё двое старших офицеров — брат Жоффруа, казначей командорства, и брат Рено, начальник стражи. Лица у всех были мрачные: весть о скорых арестах уже разнеслась среди избранных.

— Братья, — начал Сен-Клер, плотно закрыв дверь и понизив голос, — у нас есть восемнадцать кораблей. На них — казна Ордена, священные реликвии, архивы. Всё, что мы собирали веками. Если королевский флот перехватит нас, мы потеряем всё. Поэтому мы уходим туда, где нас не будут искать.

Он развернул на столе карту, на которой были отмечены морские пути.

— Гуго де Фонтен возьмёт пять кораблей и пойдёт в Португалию. Король Диниш — наш союзник, он обещал убежище тамплиерам и позволит основать новый орден. Ещё пять

кораблей отправятся в Шотландию — у нас есть связи при дворе короля Роберта Брюса. Три корабля — в Англию, к королю Эдуарду. Пусть преследователи гадают, где настоящий груз.

Он сделал паузу и посмотрел на Ля Пету.

— Но самое важное — ключи к *Oculos Dei*, самая ценная часть архива и главные реликвии — я доверяю тебе, Симон. Ты возьмёшь остальные корабли — все восемнадцать насадов — и пойдёшь на восток. В Новгород.

В комнате повисла тишина. Ля Пету нахмурился.

— На Русь? Но почему туда?

— Потому что там нас никто не будет искать. У Ордена есть старые связи с новгородскими купцами. Они торгуют с Ганзой, и наши братья уже давно наладили с ними отношения. Кроме того, русские княжества не подчиняются Папе. Булла об аресте тамплиеров там не будет иметь силы. Московский князь Юрий Данилович ищет союзников в борьбе с Тверью. Новгородский архиепископ Феоктист — человек мудрый и независимый. Они примут нас, если мы предложим им то, что им нужно: золото, знания, союзников.

Он достал из ларца запечатанное письмо.

— Вот рекомендательное письмо к князю Юрию. Я написал его сегодня ночью. В нём я объясняю, кто мы и зачем прибыли. И обещаю, что Орден Храма никогда не забудет оказанной нам помощи.

Ля Пету медленно кивнул.

— Я понял. Когда отплывать?

— Сегодня. Сейчас. У тебя меньше двух дней до начала арестов. Ты должен уйти раньше, чем королевский флот перекроет порты. Я даю тебе лучших людей — всех, кто добровольно вызвался идти с тобой. И благословляю тебя именем Господа.

Ля Пету встал и поклонился.

— Я не подведу, мессир. Клянусь честью.

— Я знаю, — тихо ответил Сен-Клер. — Да хранит тебя Бог.

Восемнадцать кораблей, гружённых сокровищами, архивами и реликвиями, подняли паруса и вышли из гавани Ла-Рошели. Ветер был свежим, попутным, и корабли быстро скрылись за горизонтом. Сен-Клер стоял на корме флагманского нефа, глядя на удаляющийся берег. Он знал, что, возможно, видит Францию в последний раз.

Ля Пету, командовавший флотом, шёл на восток. Путь предстоял долгий и опасный: через Балтийское море, мимо датских и шведских берегов, в Финский залив, а оттуда — по рекам и волокам в Новгород. Многие погибнут в пути от болезней, штормов и нападений пиратов. Но те, кто выживет, привезут на Русь наследие Ордена Храма.

Два месяца спустя, потеряв в пути почти половину людей и три корабля, флот Ля Пету вошёл в устье Волхова. Новгород встретил их морозом и снегом, но город был оживлённым и многолюдным: купцы со всей Европы везли сюда товары, и появление большой иностранной флотилии вызвало переполох.

Весть о прибытии «немецких гостей» быстро достигла княжеских палат. Московский князь Юрий Данилович, гостивший в те дни в Новгороде, лично выехал к пристани в сопровождении архиепископа Феоктиста и ближних бояр. Князь был молод, честолюбив и искал любых союзников в борьбе с тверскими князьями за великое княжение. Появление целого флота с вооружёнными людьми и несметными богатствами сулило невиданные возможности.

Ля Пету, облачённый в белый плащ с красным крестом, сошёл на берег первым. За ним следовали рыцари — все в полном облачении, несмотря на долгий путь. Толпа горожан, собравшаяся на пристани, замерла: никогда ещё они не видели таких воинов.

Князь Юрий, спешившись, шагнул навстречу.

— Кто вы, добрые люди? Откуда и зачем прибыли в наши земли?

Ля Пету поклонился и, с трудом подбирая слова на смеси немецкого и латыни, ответил:

— Мы — рыцари Ордена Храма Соломонова. Бежим от несправедливого гонения короля Франции и Папы Римского. Ищем убежища и покровительства у великого князя всея Руси. Привезли с собой казну и святыни, дабы сохранить их от поругания.

Архиепископ Феоктист, владевший латынью, перевёл его слова князю и горожанам. По толпе прокатился изумлённый гул.

Князь Юрий переглянулся с архиепископом. Тот едва заметно кивнул.

— Мы — православные христиане, — медленно произнёс князь, — и не признаём власти Папы Римского. Если вы ищете защиты от его гнева, то найдёте её здесь. Но что вы просите взамен?

— Только позволения остаться и служить, — ответил Ля Пету. — Мы привезли с собой несметное множество золотой казны, жемчуга и камня драгоценные. Всё это мы готовы передать в казну княжества в знак нашей благодарности. Мы просим лишь позволения построить храм и обитель, где могли бы молиться по своему обряду, и обещаем верно служить князю, защищая его земли от врагов.

Князь Юрий помолчал, обдумывая предложение. Потом кивнул.

— Быть по сему. Добро пожаловать, рыцари Храма. Отныне вы под нашей защитой.

Ля Пету опустился на колени и поцеловал край княжеского плаща. Толпа взревела приветственными криками.

Глава 1.

Oculus Dei Templaris

Хрупкая ведущая передачи «Время истины» Ирина Вигнер, которой очень шло тёмно-синее, в меру короткое платье, дождавшись окончания рекламной пятиминутки, поправила золотистые локоны пушистых волос и обратилась к своему собеседнику, который восседал напротив за массивным студийным столом. Студия была оформлена в современном стиле: много света, хромированные поверхности, большой экран за спиной, на котором сейчас демонстрировалась заставка передачи — стилизованное изображение глаза, вписанного в треугольник. Ирина Вигнер была звездой телеканала — её передачи собирали миллионную аудиторию, а её лицо не сходило с обложек глянцевого журналов. Сегодняшний выпуск был посвящён разоблачению магии и экстрасенсорики, и гостем студии был известный журналист-расследователь Андрей Верховский.

— Андрей, давайте продолжим весьма интересную тему, которую мы затронули перед рекламной паузой. Многие люди обращаются к гадалкам и магам в поисках помощи. Что вы думаете об этой индустрии?

В этот момент камера сфокусировалась на молодом мужчине в простом сером костюме с серьёзным взглядом голубых глаз, каштановыми коротко стриженными волосами, уверенно расположившемся в кресле. Андрей Верховский выглядел именно так, как должен выглядеть успешный журналист-разоблачитель: спокойный, уверенный, с лёгкой ироничной улыбкой. Ему было тридцать пять, но выглядел он моложе — сказывались занятия спортом и здоровый образ жизни. Он редко пил, не курил и каждое утро начинал с пробежки.

— К сожалению, сегодня мы наблюдаем расцвет индустрии обмана. Подавляющее большинство тех, кто занимается гаданием, колдовством и магией, — обычные шарлатаны, которые зарабатывают на доверчивости людей. Тому есть множество примеров. Я уже более десяти лет занимаюсь разоблачением разных аферистов от магии. Могу заверить, что в большинстве случаев, за очень редким исключением, наши доверчивые граждане становятся жертвами обмана и мошенничества.

— Но ведь есть же те, кто действительно верит в свои способности? И вы сказали «за очень редким исключением». То есть вы допускаете, что существуют люди со сверхспособностями, способные по-настоящему оказать помощь человеку?

— Безусловно, некоторые маги и экстрасенсы искренне верят в то, что обладают особыми способностями. Однако это чаще всего результат самообмана или психологических особенностей. Я — человек науки. И многие ситуации, когда мы с вами встречаемся с чем-то паранормальным в обычной жизни, можно легко объяснить с точки зрения физики, химии, физиологии и психологии. Но есть и такое, чему наука пока не может найти объяснения. Например, учёные до сих пор не могут объяснить феномен Вольфа Мессинга. Многие специалисты изучали гипноз, но то, как работал этот величайший человек, на данный момент не изучено и на десять процентов. Я допускаю, что в мире вполне могут быть люди, которые обладают способностями к врачеванию, понимают в травах, знают, как управлять энергией. Но магические обряды с кучей горящих свечей, или колдуны, убивающие касанием посоха, — это всё органично вписывается только в кинематограф.

Ведущая, сделав слегка обиженное лицо и фотогенично надув губки, спросила:

— Как же тогда объяснить многочисленные истории успеха экстрасенсов, медиумов и магов?

В глазах молодого человека на одно мгновение сверкнула молния, губы сложились в некое подобие презрительной полуулыбки.

— Знаете, Ирина, истории «успеха» таких шарлатанов часто основаны на хорошо продуманных схемах обмана, психологическом воздействии на клиента, обыкновенном везении, манипуляциях с подсознанием и точном знании человеческой психологии. Я провёл десятки расследований и могу с уверенностью сказать: девяносто девять процентов из них — мошенники. Они используют классические приёмы: холодное чтение, внушение, создание иллюзии решения проблемы. Человек приходит к гадалке в состоянии стресса, ему нужна поддержка, и он готов поверить во что угодно. Гадалка говорит общие фразы, которые подходят почти всем, а клиент сам додумывает детали. Это называется эффектом Барнума. Потом клиент рассказывает друзьям, как ему «помогли», и вот уже создаётся миф о великой ясновидящей.

— Можно ли сделать вывод, что обращение к людям, предлагающим подобные услуги, может принести значительно больше вреда, чем пользы?

— Да, это так. Гадалки, ворожеи, целители и разного рода ясновидцы действительно причиняют вред, используя страхи и суеверия людей. Они играют на человеческих слабостях, заставляя людей верить в проклятия, порчу и другие выдумки. В большинстве случаев это заканчивается выкачкой денег на регулярной основе. Я знаю случаи, когда люди продавали квартиры, чтобы заплатить «магу» за снятие порчи. А порчи никакой не было — была обычная жизненная неурядица, которую можно было решить с помощью психолога или просто поговорив с близкими.

— Спасибо, Андрей. И в завершение нашей сегодняшней программы, какую альтернативу магам, колдунам, экстрасенсам и гадалкам вы можете посоветовать нашим зрителям?

— Вместо того чтобы обращаться к гадалкам, люди могут обратиться к квалифицированным психологам и психотерапевтам. Эти специалисты используют научно обоснованные методы, такие как когнитивно-поведенческая терапия, которые доказали свою эффективность в решении эмоциональных проблем, стрессе и тревожности. Врачи используют современные методы диагностики и лечения, основанные на научных исследованиях. Для решения семейных или карьерных вопросов существуют семейные психологи и карьерные консультанты. Обязательно нужно заниматься самообразованием. Развитие критического мышления и получение знаний в различных областях помогает людям лучше понимать мир и принимать обоснованные решения. Это может снизить склонность к вере в магические практики. Чтение научно-популярной литературы, посещение лекций и курсов также способствуют формированию рационального взгляда на мир. Спорт, хорошие люди рядом. И скажу специально для девушек: никаких приворотов!

Ведущая, хитро прищуривав глаза, выпалила:

— А если девушка любит?

— Если девушка любит, то может свернуть горы! И ей не нужны никакие привороты — её любовь сама по себе самая мощная магия. А если любовь безответна, то лучше обратиться к психологу, чтобы пережить этот период, а не к бабке-шептунхе, которая возьмёт деньги и сделает только хуже.

— И это правда! К сожалению, время нашей передачи подошло к концу. С нами сегодня был известный журналист, писатель, историк и просто замечательный собеседник Андрей Иванович Верховский! Спасибо, что были с нами. До новых встреч в эфире!

Погасли софиты, и студия погрузилась в полумрак. Андрей пожал руку Ирине, обменялся с ней парой ничего не значащих фраз и направился к выходу. На душе было странное чувство — смесь удовлетворения от хорошо сделанной работы и смутной тревоги, причины которой он не мог понять. Возможно, дело было в теме передачи — он слишком часто сталкивался с тёмной стороной человеческой природы, с тем, как легко люди готовы обманывать друг друга ради денег. А возможно, причина была в другом — в предчувствии, которое он гнал от себя последние несколько дней.

На парковке возле телецентра было на удивление мало машин. Верховский забрался на водительское сидение выдавшего виды серебристого внедорожника и выехал на освещённую огнями вечерней Москвы улицу Академика Королёва. Тёплый сентябрьский вечер через открытое окно остужал голову молодого человека потоками встречного воздуха. Москва в это время года была особенно красива: деревья ещё не сбросили листву, но уже начали желтеть, и в свете фонарей город казался золотым. Свернув на Ботаническую, Андрей в очередной раз с тоской подумал, что с тех пор, как он пять с половиной лет назад перебрался в Москву, он так ни разу не погулял в Останкинском парке, который сейчас оставался где-то с правой стороны, ни разу не посетил практически никаких музеев, театров и знаковых мест. Вся его жизнь превратилась в бесконечную гонку: расследования, эфиры, встречи, командировки. Он стал заложником собственного успеха.

Оказавшись однажды в Москве волею случая, жизнь Верховского странным образом изменилась. Можно считать, что ему повезло. Молодой журналист из провинциального Воронежа, благодаря удачному стечению обстоятельств, умноженных на его безусловный талант, стал известным в медиасреде и весьма популярным экспертом. Его приглашали на разные передачи и ток-шоу, часто брали интервью. Виной всему этому было одно журналистское расследование, которое в один холодный январский день и привело его в столицу. Тогда Андрею удалось разоблачить схему целой сети салонов, в которых гадалки и ведуньи занимались обманом доверчивых граждан. Заказчик этого расследования, чья супруга стала жертвой этих прохиндеев, и дал Верховскому путёвку в жизнь. Им оказался не кто иной, как Роберт Иванович Корвуд — уважаемый бизнесмен, меценат и коллекционер предметов искусства. Корвуд оценил талант молодого журналиста, помог ему перебраться в Москву, познакомил с нужными людьми, и карьера Андрея стремительно пошла в гору. Тогда он считал это удачей. Теперь, оглядываясь назад, он начинал понимать, что удача была слишком уж... рукотворной.

Двигаясь дальше по Алтуфьевскому шоссе, Верховский неожиданно почувствовал странное беспокойство. Это чувство не было похоже на тревогу, а скорее на то, что мы обычно чувствуем, если забыли сделать очень важный звонок, а уже слишком поздно. А ведь и правда, как он мог забыть! Словно отзываясь на укол душевного порыва, в кармане пиджака зазвонил телефон. Андрей взглянул на экран: «СД» — Сергей Давыдов. Он улыбнулся и нажал на громкую связь.

— Привет, Серега!

Динамик ожил голосом Сергея Давыдова — чуть хриловатым, с характерными интонациями человека, привыкшего много говорить и убеждать:

— Здравствуй, старый друг! Есть срочный разговор. Но не по телефону. Послезавтра я буду в Москве. Уделишь мне час твоего драгоценного времени?

— Сереж! Во-первых, для тебя я всегда время найду. А во-вторых... С прошедшим днём рождения! Прости, что не поздравил вовремя — закурился.

— Благодарю. Лучше поздно, чем никогда! — смеясь, ответил Давыдов.

— Так! Давай, с меня ресторан, где я выскажу тебе все пожелания ко дню рождения. Посидим в спокойном тихом месте, заодно обсудим твой вопрос.

— Отлично! Бронируй столик на вечер.

— Договорились, жду тебя! Может, в двух словах расскажешь, что случилось?

Сергей, подумав пару мгновений, сказал:

— Я только что встречался с Корвудом. Как ты знаешь, это поверенный Морозова по особым поручениям. Дело касается Саши Ордынцева.

Услышав имя Корвуда, Андрей вздрогнул. Вот оно. То самое чувство тревоги, которое преследовало его последние дни, внезапно обрело конкретные очертания. Корвуд. Человек, который дал ему путёвку в жизнь. Человек, которого он подозревал в связях с очень тёмными структурами. И теперь этот человек вышел на Сергея.

— Ого! Хм... а знаешь, у меня тоже есть кое-что, чем я бы хотел с тобой поделиться. Так, давай остальное при встрече. Это точно не телефонный разговор.

Андрей выключил телефон. На душе значительно потеплело — всё-таки старый друг едет, будет возможность обсудить всё лично. Даже погода, которая к этому моменту резко испортилась, не помешала настроению улучшиться. Но где-то в глубине души тревога продолжала зудеть, словно заноза. Корвуд и Ордынцев. Саша Ордынцев, их общий друг детства, погибший год назад при странных обстоятельствах. И вот теперь Корвуд, человек, который, возможно, стоял за его смертью, пытается втянуть в это дело Сергея. Андрей понимал: грядёт буря. И ему придётся выбирать, на чьей он стороне.

* * *

В то же самое время, когда Андрей принимал участие в эфире телепередачи, в Воронеже по улице Плехановской не спеша брёл невысокий мужчина в лёгкой синей ветровке, белой рубашке и тёмных брюках. Свет огней ресторанов и магазинов отражался в старомодных круглых очках, которые шли к его по-мужски интересному лицу, обрамлённому короткой, тёмной с проседью бородой. Сергей Давыдов любил этот город. Здесь он родился, вырос, сюда возвращался после всех своих странствий. Воронеж был для него не просто точкой на карте, а местом силы, где он мог отдохнуть душой и собраться с мыслями.

Найдя нужный адрес и вывеску заведения — небольшой уютный ресторанчик с итальянской кухней, — Сергей присел за столиком так, чтобы видеть дверь, и заказал кофе. Он всегда садился лицом к входу — старая привычка, выработанная годами работы в не самых безопасных условиях. На экране мобильного возникло лаконичное: «На десять минут задержусь». В голове пронеслась мысль: «Есть несколько минут поразмышлять».

Однако мысли немного путались. Неожиданно назначенная встреча немного выбила из колеи и заставила отменить некоторые планы на сегодняшний вечер. Но отказать человеку, её назначившему, он не мог. Таким людям не отказывают. Роберт Иванович Корвуд был фигурой влиятельной, и Сергей, несмотря на свою независимость, понимал, что ссориться с ним не стоит. По крайней мере, пока.

Дверь открылась, впуслав прохладный воздух улицы и звук проезжающих по мокрому после дождя асфальту автомобилей. Осенний вечер буквально втолкнул в кафе грузноватого господина лет шестидесяти, в чёрном костюме и ярко-алом галстук. Господин накиннул на левую руку плащ и бодро зашагал к столику. Мужчины пожали друг другу руки. Рукопожатие у Корвуда было крепким, но каким-то... скользким, что ли. Словно он привык пожимать руки, но не привык держать их долго.

Вновь пришедший сделал заказ — эспрессо и тирамису, — пригладил ладонью несколько прядей седых волос и, вальяжно развалившись на кресле, заговорил. Его голос был хорошо поставлен, с бархатистыми нотками, но в нём чувствовалась сталь.

— Сергей Сергеевич, я очень рад, что вы согласились на эту встречу. Наш общий знакомый дал вам очень лестные характеристики. Меня зовут Роберт Иванович Корвуд. Я представляю интересы хорошо известного вам предпринимателя Виктора Морозова.

— Рад знакомству, Роберт Иванович. Мне весьма любопытно, чем вызван столь срочный интерес господина Морозова к моей скромной персоне?

Корвуд изобразил на лице некое подобие хитрой улыбки и произнёс:

— Ну, персона-то у вас, дорогой Сергей Сергеевич, не такая уж и скромная. Мне вот тут подготовили небольшую справку о вас. Позвольте прочитать? Если в чём-то будет ошибка, вы меня поправите.

— Да, прошу вас.

В руках у Корвуда возник небольшой планшет, и Роберт Иванович начал читать, время от времени поглядывая на Сергея поверх очков:

— Давыдов Сергей Сергеевич, тридцать пять лет. Срочную службу проходил на Северном флоте, в морской пехоте. Затем получил юридическое образование, но по специальности не работал. Далее закончил ростовскую духовную семинарию, несколько лет был приходским священником села Сосновка Вологодской области, получил негласное благословение на проведение обрядов изгнания бесов. Несколько лет назад был лишён сана при странных обстоятельствах. После этого увлёкся эзотерикой и оккультизмом, получил ещё одно высшее образование — на этот раз вы стали искусствоведом.

Корвуд поднял на Сергея бесцветные глаза и спросил:

— Скажите, пока что всё верно?

— Хм... Продолжайте, Роберт Иванович. Я позже внесу некоторые правки, но хочу видеть всю картину.

— Извольте. Далее вы продолжили свою карьеру в качестве антиквара и специалиста... скажем так, узкого профиля. Вашими услугами пользовались многие коллекционеры древностей, в том числе из других стран. За четыре года вы сколотили приличное состояние, но особо деньгами не пользовались — почти всё пожертвовали на благотворительность. При этом вы полностью спонсировали строительство нескольких православных храмов и много жертвовали на детские дома. Около года назад, после одной неудачной сделки, вы решили прекратить вашу деятельность. Сейчас живёте на остатки сбережений и имеете острую потребность в средствах. Также мне известно, что вам делали несколько предложений, которые могли бы устроить вашу дальнейшую жизнь, но вы их отвергли.

Давыдов улыбнулся одними чёрными глазами и изобразил ладонями аплодисменты. Сделав большой глоток из чашки и вернув её на стол, Сергей взглянул на собеседника и проговорил:

— Роберт Иванович, вы действительно неплохо осведомлены. Однако мне бы хотелось исправить некоторые неточности в вашем рассказе. Православный священник не может заниматься эзотерикой, магией и оккультизмом. Пусть и бывший. Но он может их изучать. Именно на почве дискуссий на эту тему я и был лишён духовного сана. Епархия не видела разницы между словами «заниматься» и «изучать». Я изучал древние тексты, апокрифы, гностические евангелия — не для того, чтобы практиковать, а для того, чтобы понять корни нашей веры. Но мой непосредственный начальник, отец благочинный, счёл это ересью. Но я никогда не практиковал, а всего лишь нашёл себя в познании того, что мне было интересно.

Корвуд поднял бровь, явно заинтересованный.

— И всё же, Сергей Сергеевич, не расскажете подробнее? В моей справке этот эпизод обозначен как «странные обстоятельства». И ещё там было упомянуто негласное благословение на проведение обрядов изгнания бесов. Вы, стало быть, практиковали экзорцизм?

Сергей невесело усмехнулся.

— Это как раз тот случай, когда бумага всё перевирает. Никаким экзорцистом я не был. Благословение действительно существовало, но оно касалось лишь права совершать чин отчитки в исключительных случаях, если того требовала пастырская необходимость. А на деле всё свелось к одному-единственному случаю, который потом оброс такими слухами, что меня уже при жизни записали в старцы-чудотворцы.

— И что же это был за случай? — подался вперёд Корвуд.

Сергей отпил глоток остывшего кофе.

— В соседнем селе, километров за двадцать от Сосновки, жила женщина — Агафья. Лет сорока, вдова, сын у неё утонул за пару лет до того. С тех пор с ней случались припадки: она начинала кричать, биться, выкрикивать бессвязные слова. Местные сразу решили — бесноватая. Привезли ко мне, просили отчитать. Я, честно говоря, растерялся. Мне двадцать шесть лет, опыта — кот наплакал, а тут такое. Но ехать к архиерею за благословением и оставлять женщину без помощи я не мог.

Он сделал паузу, глядя в пространство.

— Я пошёл в храм, взял с собой только крест напестольный — старинный, тяжёлый, ещё дораскольного литья. Пришёл в дом, где она лежала связанная, чтобы не покалечилась. Вокруг уже собралась толпа зевак, ждали «представления». Я попросил всех выйти, остался с ней вдвоём. Она металась, кричала, плевалась. Я не стал читать никаких заклинательных молитв — просто сел рядом, положил крест ей на грудь и начал говорить. Тихо, спокойно. О её сыне, о том, что он сейчас в лучшем мире и не хотел бы видеть мать в таком состоянии. О том, что боль от потери не уходит, но с ней можно жить. О том, что она не одна.

Корвуд слушал, не перебивая.

— Через полчаса она затихла. Потом заплакала — уже по-человечески, не тем жутким воем, что раньше. Ещё через час мы с ней пили чай, и она рассказывала мне о сыне, показывала его фотографии. Никакого беса там не было, Роберт Иванович. Было горе, чувство вины, одиночество и истерика, подкреплённая верой в одержимость. А крест — он просто дал ей точку опоры, символ, за который можно ухватиться.

— Но слухи-то пошли другие? — усмехнулся Корвуд.

— Конечно. К вечеру вся округа знала, что молодой батюшка из Сосновки одним крестом изгнал легион бесов. Как я ни пытался объяснить, что это было не экзорцизм, а скорее психологическая помощь, — никто не слушал. А когда началось разбирательство в епархии, этот случай припомнили как доказательство моего «интереса к оккультным практикам». Мол, самовольно провёл обряд, не имея на то письменного разрешения. А то, что я человека успокоил и от самоубийства, возможно, спас, — это никого не интересовало.

Он замолчал, глядя в чашку.

— Так что экзорцистом я никогда не был. Просто оказался в нужном месте в нужное время и сделал то, что считал правильным. А бумаги, как видите, живут своей жизнью.

Корвуд откинулся в кресле, глядя на Сергея с новым выражением — смесью уважения и холодного расчёта.

— И всё же вы ушли из Церкви. Почему? Ведь могли бы остаться, несмотря ни на что.

Сергей впервые за время разговора поднял глаза и посмотрел прямо на собеседника.

— Потому что я не мог врать. Я искал истину, а не ересь. И если Церковь видит угрозу в самом поиске истины, значит, наши пути расходятся. Я не перестал верить в Бога, Роберт Иванович. Но я перестал верить в то, что Его можно заключить в рамки инструкций и циркуляров. Вера — это путь, а не конечная станция. И с тех пор я иду этим путём сам.

— Красиво сказано. Что ж, пожалуй, теперь я понимаю, почему вы так хорошо подходите для этого дела. Вам нужна истина, а не деньги. И я дам вам шанс её найти.

— А последняя моя сделка... нет, она не была неудачной. Скорее, во время неё произошли события, которые серьёзно повлияли на меня и на мое отношение к этой работе. К тому же мой заказчик не смог выполнить условия договора.

— Да, в этом не было вашей вины. Артефакт, который был приобретён вами для заказчика, утонул в Средиземном море вместе с яхтой, на которой его перевозили. Говорят, это была очень ценная вещь — золотая статуэтка Митры, датируемая вторым веком до нашей эры.

— Именно так. Как я уже заметил, вы прекрасно осведомлены. Ну и по поводу финансовых трудностей вы тоже не ошиблись. Свои ресурсы я практически исчерпал.

Роберт Иванович на несколько мгновений скрестил свой взгляд с колючими и ироничными глазами Сергея, который уверенно облокотился на спинку кресла и скрестил пальцы рук на затылке. Ему нравился этот человек. Он был необычен, разносторонне образован и обладал приличной деловой хваткой. Давыдов пользовался авторитетом среди коллекционеров и антикваров. Самым главным талантом Сергея он считал умение выполнить практически любой заказ, найти нужный предмет искусства, даже если он хранился в частной коллекции где-нибудь на краю света. Давыдов в свои тридцать пять лет имел обширные связи среди коллекционеров, умел вести переговоры с музеями и министерствами, знал многих учёных и тёмных дельцов. При всех странностях этого молодого мужчины, особенно учитывая его строптивый характер, он был одним из лучших детективов на рынке предметов искусства. Если, конечно, к его роду деятельности можно применить слово «детектив». Эти мысли пронеслись в голове Корвуда за пару-тройку секунд. Роберт Иванович продолжил:

— Я знаю, что от дел вы решили отойти. И всё же я хочу, чтобы вы выслушали меня до конца. И если то, что я вам сейчас расскажу и покажу, вас заинтересует, я сделаю вам интересное предложение, которое не просто поправит ваши дела, но и позволит вам несколько лет жить безбедно и в своё удовольствие. Если же информация покажется вам не достойной внимания, мы просто неплохо поужинаем с вами в этом весьма милом ресторанчике. Когда я приезжаю в Воронеж, я всегда обедаю и ужинаю именно здесь.

Детектив от искусства опустил руки на стол, составив из пальцев пирамидку, и сказал:

— Я не против вас выслушать, Роберт Иванович. Признаюсь, мне любопытно, для чего я понадобился вашему шефу, к которому я отношусь с большим уважением. Виктор Морозов — известный меценат, он много делает для сохранения культурного наследия.

— Отлично, Сергей Сергеевич!

Из портфеля на стол перекочевала небольшая синяя папка. Корвуд открыл её, но не стал показывать содержимое, а лишь положил на неё руку, словно защищая от посторонних глаз.

— Прежде чем я открою эту папку, я хочу спросить вас. Что вы знаете об *Oculus Dei*?

Сергей нахмурился. Вопрос был неожиданным. Он ожидал чего угодно — предложения найти очередной артефакт, оценить коллекцию, выступить экспертом на аукционе, — но не этого.

— Хм... Если вы не имеете в виду что-нибудь из компьютерных игр, шлем виртуальной реальности и ещё что-то из этой серии, то понятие *Oculus Dei*, что в переводе значит «Глаза Бога», восходит своими корнями к ордену рыцарей-тамплиеров. Возможно, даже намного глубже — к древним мистериям Египта и Вавилона. Исследований на этот счёт не проводилось. Во всяком случае, я об этом ничего не знаю. Более того, *Oculus Dei* в связке с орденом тамплиеров я встречал лишь дважды. Один раз в дневнике одного из генералов времён 1812 года, я наткнулся на него в архиве, когда искал материалы для одного клиента. А второй раз некую книгу под названием *Oculus Dei Templaris* упоминал в разговоре один из моих заказчиков, покойный ныне коллекционер из Швейцарии. Эта книга считается утерянной. По сути дела, что именно обозначает *Oculus Dei*, что это конкретно — мне неизвестно.

— Исчерпывающе. Скажите, вы ведь были знакомы с Александром Ордынцевым?

— С Сашей? Да, конечно. Мы дружили с детства. Вместе росли, вместе играли, вместе мечтали о приключениях. Я многим был обязан этому человеку. Он помог мне, когда я оказался на мели после лишения сана. Очень жаль, что его уже нет с нами.

Корвуд открыл папку и извлёк из неё несколько страниц фотокопий каких-то документов и небольшую брошюру, скреплённую нитью. Роберт Иванович протянул одну из фотокопий Сергею. Когда тот бегло пробежал глазами документ, то не смог скрыть удивления:

— Скажите, Корвуд, где вы взяли это?

— Кхм... Молодой человек, я вас сегодня ещё удивлю не один раз. Вам известно, чем занимался Александр Ордынцев в последнее время? — Корвуд прищурил бесцветные глаза и скрестил взгляд с Давыдовым.

— Нет, к сожалению. Последние пару лет он отдалился от всех. Постоянно ездил по заграницам, вроде бы работал над каким-то серьёзным проектом. Мы почти не общались — он был очень занят, а я... у меня были свои проблемы. Последний раз мы виделись за полгода до его смерти. Он выглядел уставшим, нервным, но ничего не рассказывал. Сказал только, что работает над чем-то грандиозным, что может перевернуть историческую науку.

— А вот над каким проектом он работал, я сейчас вам расскажу. Около года он выполнял поручения моего доверителя Виктора Морозова. О сути этих поручений я мало что знаю — Морозов предпочитал общаться с ним напрямую. Но за два месяца до смерти Ордынцев начал работать над исследованием, которое касалось рыцарей-тамплиеров и их связей с Московским княжеством.

Сергей нахмурил брови и задумчиво произнёс:

— Связей с Московским княжеством? Да, действительно, есть источники, которые косвенно это подтверждают. Существует гипотеза, что часть уцелевших тамплиеров после разгрома ордена бежала на Русь и поступила на службу к московским князьям. Некоторые историки считают, что именно они принесли на Русь секреты фортификации и финансового дела. Но доказательств мало. А что конкретно просил его сделать Морозов?

— В том числе найти, что такое *Oculus Dei*. Он проделал определённый объём работы, добился кое-каких успехов, но неожиданно скончался при весьма, на мой взгляд, странных обстоятельствах.

Мужчины немного помолчали. Сергей переваривал информацию и краем глаза косился на синюю папку. В это время Корвуд следил за его реакцией, но не прерывал мыслительного процесса. Через несколько минут Сергей спросил собеседника:

— Скажите, Роберт Иванович, чего же вы хотите от меня?

— Всего лишь продолжить то, что начал ваш товарищ Саша Ордынцев, — сказал Корвуд и протянул ему свой телефон экраном вперёд. — Вот эту сумму в иностранной валюте вы получите в случае успеха. Двадцать процентов вы можете получить уже завтра утром в качестве аванса.

Сергей взглянул на экран. Сумма была внушительной — столько он не зарабатывал и за два года активной работы.

— Не слишком ли много нулей?

— Вы нам нужны. А мы нужны вам. Господин Морозов может себе позволить услуги такого серьёзного специалиста, как вы. Он считает, что только вы способны довести дело Ордынцева до конца.

— Лесть меня не трогает, Роберт Иванович, — медленно произнёс Давыдов. — Я давно научился отделять зёрна от плевел.

— Но вас трогает нечто другое. Вы ведь хотите разобраться в том, в чём не смог разобраться Ордынцев? Я знаю, вы хотите. Вы были его другом. Вы чувствуете, что его смерть была

неслучайной. А ещё вы сейчас страстно хотите, чтобы я оставил вас наедине с этой папкой. Но вам придётся немного подождать. Потому что нам уже несут еду.

Корвуд хитро прищурился и, дождавшись, пока официантка отойдёт от столика, сказал: — Я расцениваю ваше молчание как знак согласия. Завтра утром мы переведём вам первую часть денег. Этой суммы хватит для того, чтобы вы закрыли все обязательства и не думали о финансах. У вас будет неделя на решение всех вопросов. Ровно через неделю вы должны быть в Москве и принимать дела.

Сергей ничего не ответил, лишь медленно кивнул. Он понимал, что ввязывается в опасную игру. Но отказаться уже не мог — слишком многое было поставлено на карту. И главное — он действительно хотел узнать, что случилось с Сашей. И что такое *Oculus Dei Templaris*.

Глава 2

Человек из Лэнгли

Бостон, штат Массачусетс, США.

Клаус Шеллинг стоял у окна своего номера в бостонской гостинице и смотрел на серую гладь Чарльз-ривер. Через час ему предстояла встреча, которой он одновременно ждал и боялся. В такие минуты — перед конспиративным контактом — он всегда испытывал странное, почти детское возбуждение, смешанное с ледяным холодком страха. Ему было пятьдесят три, он носил очки в толстой роговой оправе, страдал одышкой после двух лестничных пролётов и предпочитал проводить вечера в библиотеке, а не в шпионских переулках. Но где-то глубоко внутри, в той части души, которую он никому не показывал, Клаусу Шеллингу нравилось играть в шпионов. Ему нравились конспиративные встречи, условные фразы, ощущение, что он — часть чего-то большего, чем просто академическая рутина. Как в романах, которыми он зачитывался в молодости. Только теперь он был не читателем, а персонажем.

Вот только в романах всё заканчивалось хорошо. А в его случае — Шеллинг покосился на свой потёртый чемодан, стоявший у кровати, — хороших концовок, кажется, не предусматривалось.

Доктор Клаус Шеллинг был серьёзным учёным. Одним из лучших в Европе специалистов по средневековому шифрованному манускриптам. Его монографии стояли на полках университетских библиотек от Оксфорда до Принстона. Он не искал приключений — приключения нашли его сами. Сначала — намёки, полутона, странные звонки. Потом — люди, которые знали о нём больше, чем он сам. А потом он оказался в ловушке, из которой не мог выбраться, не поставив под удар тех, кого любил.

Всё началось около трёх лет назад. Его завербовали — жёстко, цинично, на компромате и страхе. Куратором был человек, которого Шеллинг про себя называл «Серым» — за бесцветные глаза и манеру сливаться с обстановкой. Именно Серый отправил его в Москву год назад. С заданием, сути которого Шеллинг до конца не понимал. Он должен был встретиться с русским коллегой, оценить его работу и доложить. Что именно он докладывал? Какие слова, какие выводы стали роковыми? Этому Шеллинг не знал до сих пор. Но через месяц после его возвращения русский коллега погиб. И с тех пор Клаус не мог спать спокойно.

Серый исчез. Вот уже несколько месяцев он не выходил на связь — ни звонков, ни сообщений, ни сухих инструкций по электронной почте. Шеллинг пытался узнать через свои каналы, но ему лишь сухо ответили, что «контакт пересмотрен». А накопленный материал — результаты его многолетней работы по трактату *Oculus Dei Templaris* — так и лежал мёртвым грузом в зашифрованной папке на ноутбуке. Он проделал колоссальную работу: собрал фрагменты, сопоставил источники, даже частично реконструировал структуру шифра. И всё это теперь было никому не нужно? Или, наоборот, нужно кому-то другому?

Тогда-то и появился Виленс. Новый куратор, с которым ему предстояло встретиться сегодня впервые. Он прислал короткое сообщение: «Бостон. Общественный сад. Вопрос: Как вам Бостон? Ответ: Везде по-разному. Нужно одеваться по погоде». И подпись: «Виленс».

Шеллинг никогда не видел этого человека. Только голос в телефоне — спокойный, с лёгкой хрипотцой, без эмоций. И вот теперь — личная встреча. Клаус понимал, что это его шанс. Шанс снова вернуться к работе, которая стала смыслом его жизни. Он хотел продолжить исследование *Oculos Dei Templaris* — возможно, уже под новым крылом, с новыми ресурсами. И он был готов передать всё, что у него есть, лишь бы ему позволили остаться в игре.

Клаус поправил очки, одёрнул пиджак и в последний раз взглянул на своё отражение в тёмном стекле. Оттуда на него смотрел усталый, испуганный человек, который больше всего на свете хотел бы проснуться в своей берлинской квартире, услышать голос жены, звонок дочерей из школы и забыть всё это, как страшный сон. Но сны не сбываются. А реальность — вот она, за окном, в сером октябрьском Бостоне.

Он вышел из номера и направился к лифту, повторяя про себя условную фразу. Сердце колотилось где-то в горле, но губы сами собой складывались в лёгкую улыбку. Проклятый азарт. Он снова здесь.

* * *

— Как вам Бостон, мистер Шеллинг?

Невысокий и тучноватый Клаус Шеллинг, немецкий историк, специалист по средневековым рукописям, испуганно обернулся. Он стоял на набережной Чарльз-ривер, любуясь видом на город, и не ожидал, что кто-то подойдёт к нему со спины. На него смотрел мужчина средних лет в солнцезащитных очках, скрывающих выражение глаз. Одет он был неброско: тёмные брюки, светлая рубашка, тёмно-зелёная ветровка. Одной рукой он опирался на зонт, хотя дождя не было, а вторая покоилась в кармане. Незнакомец, слегка улыбнувшись, продолжил:

— В этом году холодная осень.

Шеллинг, сообразив, что от него требуется, произнёс условленную фразу-отзыв:

— Везде по-разному. Нужно одеваться по погоде.

Когда формальности были соблюдены, двое мужчин двинулись прогулочным шагом через Бостонский общественный сад. Это было излюбленное место для встреч агентов — множество дорожек, скамеек, деревьев, за которыми можно укрыться от посторонних глаз. Найдя свободную скамейку в стороне от других прохожих, они смогли продолжить прервавшийся было разговор.

— Скажите, мистер Шеллинг, вы уверены в том, что речь идёт именно об этой книге? — спросил Виленс, доставая из кармана пачку сигарет. Он закурил, выпустив облачко дыма в прохладный осенний воздух.

— Абсолютно, мистер Виленс! — немец энергично взмахнул руками. Со стороны это выглядело так, как будто один рыбак хвастается другому размером рыбы, которую он поймал. — И более того! Фрагменты этой книги, которые сохранились, были отреставрированы и сфотографированы. Всего уцелело около двадцати страниц и часть переплёта. Я лично держал их в руках.

— А сколько там всего страниц? И вообще, расскажите мне более подробно об этой книге. В Лэнгли очень заинтересовались вашей информацией.

— На данный момент про *Oculos Dei Templaris* известно не очень много. Первое упоминание про этот трактат датируется 25 ноября 1309 года в протоколе допроса рыцаря ордена тамплиеров Гилберта де Огре, командора Тампля в Бристоле. Его допрашивали люди короля Эдуарда II, но по какой-то причине епископ Лондона Ральф Балдок хранил у себя копию этого протокола. До недавнего времени документ считался утерянным, но около года назад был найден одним русским исследователем — я полагаю, тем самым Ордынцевым, о котором мы говорили. Далее, кем-то из чиновников Наполеона Бонапарта было найдено несколько писем русского графа Андрея Ивановича Ушакова к принцу де Конти. В то время Ушаков руководил тайной канцелярией русской императрицы Елизаветы Петровны, а принц де Конти — аналогичным органом при дворе Людовика XV.

— Не думал, что они могли состоять в переписке. Тайная канцелярия и французская разведка — неожиданный альянс.

— Тем не менее это так, мистер Виленс! Почему нет? Разве сейчас, несмотря на крайне напряжённые отношения между Россией и Соединёнными Штатами, спецслужбы не контактируют между собой по отдельным вопросам? Всегда есть темы, представляющие взаимный интерес. В те времена такой темой была борьба с масонскими ложами, которые активно вмешивались в политику.

Виленс снял ветровку. Несмотря на начало октября, было очень тепло. Начинаясь было утром дождь, судя по всему, небесная канцелярия отменила. Тучи развеялись, и к полудню стало жарковато. Он повесил ветровку на спинку скамейки и приготовился слушать.

— Да, вы правы. Но, простите, я вас перебил. Продолжайте.

— Охотно. Тем более история занимательная. В письмах Ушакова упоминается *Oculus Dei Templaris* как некий трактат, которому лучше лежать в самых глубоких подземельях, так как вред от него будет ощутимо больше пользы. Ушаков писал, что «сей манускрипт содержит знания, способные погубить души человеческие, ибо описывает способы воздействия на разум, кои противны Богу и природе». Эта информация также перекликается кое с какими данными русских архивов, к которым были допущены наши специалисты ещё в девяностые годы, когда архивы были более открыты. Имеется приказ графа Шувалова, который сменил на посту Ушакова, уничтожить архивы документов, в числе которых за номером девяносто семь стоит трактат *Oculus Dei Templaris* и протоколы допросов неких английских дворян, уличённых в шпионаже и попытке выкрасть артефакт.

— Правильно ли я понимаю, что приказ не был выполнен?

— А вот тут очень интересная история. Известно, что изначально *Oculus Dei Templaris* — это несколько свитков пергамента, которые хранились в деревянном ларце. Об этом пишет Ушаков, и именно так этот артефакт описывается в протоколе допроса Гилберта де Огре. Но в описании Шувалова — это уже книга, написанная на латыни, но с применением какого-то странного шифра. Очевидно, за прошедшие десятилетия кто-то переплёл свитки в книгу и, возможно, добавил новые разделы. Следующий раз этот же трактат в виде книги упоминается в дневнике одного русского офицера в 1814–1815 годах, а потом — в 1940 году, в записях немецкого археолога Отто Рана, который работал на Гитлера и его «Аненербе». Ран искал эту книгу, считая, что в ней содержится ключ к психотронному оружию древних. Он погиб при загадочных обстоятельствах в 1939 году — официально замёрз в горах, но многие считают, что его убрали.

Клаус сделал небольшую паузу, чем сразу воспользовался его собеседник.

— А почему эта книга вообще изначально оказалась в России?

— Есть одна гипотеза, согласно которой часть архивов ордена тамплиеров оказалась в России после разгрома ордена. Вы знаете, что тамплиеры имели обширные связи по всей Европе, в том числе и с русскими княжествами. Существует легенда, что незадолго до арестов 1307 года несколько кораблей с сокровищами и архивами ордена отплыли из Ла-Рошели в неизвестном направлении. Один из них мог достичь берегов Руси. Кроме того, некоторые рыцари-тамплиеры могли бежать на восток и осесть при дворах русских князей. Но эта гипотеза требует дополнительных проработок. Весь материал по *Oculus Dei Templaris*, в том числе фотографии сохранившихся страниц, находится на этой флешке.

С этими словами Шеллинг положил между своим коленом и рукой Виленса небольшую флешку золотистого цвета. Американец незаметно смахнул её в карман.

— Что вы хотите за эту информацию, Клаус, лично для себя?

— У меня есть определённые обстоятельства, по которым я бы хотел переехать в США. Мне нужны американские паспорта для меня и нескольких членов моей семьи — жены и двух

дочерей. И возможность продолжить работу с этими документами, когда текст будет расшифрован. Я посвятил этой теме десять лет жизни и не хочу бросать её на полпути.

— Я думаю, мы сможем это решить. Ваша информация того стоит.

Когда они вдвоём подходили к перекрёстку, на котором каждый должен был направиться в свою сторону, Виленс задал ещё один вопрос:

— Скажите, Клаус, а почему вы не можете спокойно работать с этими документами в Германии?

— Знаете, мистер Виленс, я просто хочу остаться в живых.

— Что вы имеете в виду, Шеллинг?

— Все, кто так или иначе прикасается к исследованиям этой темы, загадочным образом исчезают. Или умирают при очень странных обстоятельствах. Профессор Вандерхофф из Берлина — зарезан в метро. Журналист Нестеров из Петербурга — застрелен в подъезде. Ордынцев — разбился на машине при идеальных погодных условиях. Отто Ран — замёрз в горах, хотя был опытным альпинистом. Список можно продолжать. Я не хочу быть следующим. Работая под крылом вашего ведомства, я могу рассчитывать на хотя бы минимальный уровень безопасности и максимальный уровень секретности. ЦРУ умеет защищать свои активы.

Когда фигура собеседника скрылась в толпе пешеходов, Виленс не сразу ушёл. Он ещё несколько минут сидел на скамейке, глядя на серую воду Чарльз-ривер, и прокручивал в голове услышанное. Шеллинг, сам того не зная, передал ему не просто набор исторических справок. Он передал подтверждение того, что Виленс подозревал уже давно: *Oculos Dei Templaris* — не миф, не аллегория, а реальный трактат, содержащий реальные технологии. И русские подошли к нему вплотную.

Сначала Ордынцев. Теперь этот Давыдов. Фамилия ничего не говорила Виленсу — он никогда не слышал о Сергее Давыдове. Но если этот человек продолжает дело Ордынцева, значит, он либо не понимает, с чем имеет дело, либо, наоборот, понимает слишком хорошо. В любом случае, он опасен. Опасен тем, что может найти книгу раньше, чем ЦРУ успеет перехватить её.

Виленс затушил сигарету, поднялся со скамейки и быстрым шагом направился к выходу из парка. Через двадцать минут он уже сидел в своём кабинете на пятом этаже неприметного офисного здания в центре Бостона. На табличке у двери значилось: «Консультационная фирма "Меридиан"», но внутри располагалась одна из резидентур ЦРУ, специализирующаяся на сборе информации о российских исторических и культурных артефактах.

Кабинет был обставлен аскетично: стол, три стула, сейф, большой монитор на стене и карта мира с воткнутыми в неё разноцветными флажками — каждый отмечал место, где велась активная работа по поиску древних технологий. Виленс повесил плащ на вешалку, сел за стол и первым делом включил кофеварку. Кофе он пил крепкий, без сахара, и в больших количествах — привычка, выработанная годами работы в режиме постоянного недосыпа.

Он сделал глоток, откинулся в кресле и начал методично обзванивать нужных людей.

Первый звонок — в Лэнгли, заместителю директора по операциям. Короткий доклад: «Сэр, подтверждаю. Русские вплотную подошли к *Oculos Dei*. У них новый фигурант — Сергей Давыдов. Запрашиваю активацию резервного канала в Москве. Подробный рапорт отправлю в течение часа». Сухое «добро» в ответ — и Виленс положил трубку.

Второй звонок — резиденту в Москве. Кодовое имя «Омега», настоящее — не важно. Разговор на полминуты: «Омега, у нас новая цель. Имя — Сергей Давыдов. Мне нужна вся информация о нём: связи, передвижения, слабые места. И подготовка группы "Тень" к возможной активации. Жду отчёта через двенадцать часов».

Третий звонок — аналитику, который вёл досье на Ордынцева. «Джон, подними всё, что у нас есть на Александра Ордынцева. Все контакты, все поездки, все встречи за последние

два года. Мне нужно знать, с кем он общался и кто мог продолжить его работу. Давыдов — возможно, один из них. Проверь все пересечения».

Виленс положил трубку и задумался. Странно, что он впервые слышит эту фамилию. Если Давыдов продолжает дело Ордынцева, то куратор московской ячейки, Роберт Корвуд, должен был давно доложить о нём. Корвуд работал на ЦРУ уже много лет и всегда был исполнительным, даже слишком. Но в последнее время от него стали приходиться уклончивые отчёты, а прямые вопросы он обходил стороной. Виленс чувствовал: что-то происходит. Корвуд что-то затевает.

Он открыл на компьютере досье на Корвуда. Потомственный аристократ, завербован много лет назад, надёжен, но... Слишком независим. Слишком амбициозен. Виленс уже сталкивался с такими — они начинали думать, что могут вести свою игру, и в итоге проваливали операции. Если Корвуд скрыл информацию о Давыдове, значит, у него есть на то причины. И эти причины вряд ли совпадают с интересами ЦРУ.

«Ладно, — подумал Виленс, — с Корвудом я разберусь позже. Сейчас важнее Давыдов». Он сделал пометку в блокноте: «Проверить Корвуда. Возможна двойная игра». Затем набрал номер технического отдела.

«Мне нужен полный пакет для полевого агента: прослушка, трекеры, скрытые камеры. Подготовьте к вечеру. И чистый ноутбук с установленным шпионским ПО — стандартная конфигурация для историка. Легенда — независимый исследователь».

Виленс откинулся в кресле и потёр переносицу. Голова гудела, но это была приятная, рабочая усталость. Он любил этот момент — когда механизм запущен, шестерёнки начали вращаться, и остаётся только направлять их движение. Теперь дело за Шеллингом.

Он снова взял телефон и набрал номер немца. Гудок, второй, третий. Наконец в трубке раздался испуганный голос:

— Алло?

— Это Виленс. План меняется. Вы летите в Москву. Сегодня же.

В трубке повисла пауза. Потом Шеллинг, запинаясь, произнёс:

— В Москву? Но я только что оттуда... Я думал, что моя работа...

— Ваша работа продолжается, — перебил Виленс. — Там появился новый человек. Некто Сергей Давыдов. Он, судя по всему, продолжает дело Ордынцева. Мне нужно, чтобы вы встретились с ним. Оценили, насколько далеко он продвинулся. И передали мне всю информацию. Подробности получите у курьера в аэропорту. Билет уже забронирован. Вылет через четыре часа.

— Но моя семья... Я не могу так внезапно...

— Ваша семья будет в полной безопасности, если вы выполните задание, — отрезал Виленс. — И не пытайтесь со мной торговаться, доктор Шеллинг. Вы знаете правила.

Снова пауза. Затем тихое:

— Я понял. Я еду.

— Вот и отлично. Жду от вас доклада. Через два часа проверьте ваш банковский счет. Мы умеем быть благодарными.

Виленс отключился и положил телефон на стол. Шеллинг был напуган — это хорошо. Страх делает людей сговорчивыми. А доктору Шеллингу предстояло сыграть важную роль в предстоящей партии. Даже если сам он об этом пока не догадывался.

Виленс допил кофе, посмотрел на карту мира с разноцветными флажками и усмехнулся. Москва. Один из самых сложных узлов на этой карте. Но он справится. Как справлялся всегда.

Игра началась.

* * *

Москва, Россия

— Знаешь, Сергей, после твоего рассказа у меня в голове начали воскресать кое-какие моменты.

Верховский закончил со стейком и довольно облокотился на спинку массивного деревянного стула. Они сидели в том самом бильярдном клубе «Классик», который Андрей считал идеальным местом для конфиденциальных разговоров. Только что Давыдов максимально подробно рассказал другу о своей встрече с Корвудом. Мужчины немного помолчали. Нужно было собрать мысли в кучу и сосредоточиться. Дождавшись, пока официант уберёт грязную посуду, Андрей начал свою часть рассказа.

— Мне тоже есть чем с тобой поделиться. Примерно неделю назад мне звонила Лена Ордынцева.

— Вы общаетесь?

— Ну, если честно, то редко. Поэтому я и удивился. Она была очень взволнована, просила срочно встретиться. Сказала, что отец очень плох и, как ей кажется, немного повредился головой. После смерти сына он ушёл в себя, скинул все дела на помощников и заместителей и переехал жить на старую дачу в Подмоскowie. При нём остались только домработница и водитель.

— А почему Лена думает, что старик начал сходить с ума? Александр Александрович всегда был человеком железной воли. Я помню его ещё по детству — он мог одним взглядом заставить нас, пацанов, замолчать.

— Вот именно. Он ей несколько раз звонил и говорил очень странные вещи. Например, он ей дважды сказал, что Саша живой. Когда она ездила к нему в начале месяца, то видела, как он работал с какими-то странными документами на латыни. На неё почти не обращал внимания и, казалось, хотел, чтобы она быстрее уехала. А перед тем, как она мне позвонила, старик ей сообщил, что получил письмо от покойного сына.

— Хм... Да, действительно. Очень интересно. А что Лена хотела именно от тебя?

Верховский с задумчивым видом потёр подбородок и ответил:

— У неё есть подозрение, что кто-то намеренно сводит с ума её отца. Просила меня помочь разобраться. Она знает, что я журналист и у меня есть связи. Бойтся, что за стариком кто-то следит и, возможно, травит его какими-то препаратами.

— Что ты собираешься делать? — спросил Давыдов.

— Хочу в понедельник съездить к нему, пообщаться. В конце концов, Саша был нашим с тобой другом. Мы выросли вместе. Я не могу просто так оставить это дело. Не хочешь поехать со мной?

— Увы, нет. Я бы с удовольствием составил тебе компанию. Но утром я встречаюсь с Корвудом, принимаю дела в качестве руководителя конторы, которой руководил Александр. Возможно, узнаю кое-что интересное. Всё время после его смерти, а это больше года, исполняющей обязанности директора там была некая Софья Горская, она была Сашиним заместителем. Постараюсь уже завтра её расспросить о последних месяцах его жизни.

Андрей удивлённо поднял левую бровь и произнёс:

— Софья Горская? О, это интересный персонаж. Красивая, дерзкая, умная. Мне приходилось общаться с ней несколько раз на светских мероприятиях. Она производит впечатление женщины, которая знает себе цену. Не знал, что она работала у Саши. Ладно, о ней потом. Я правильно понимаю, что тебе среди других документов передали фотокопии нескольких страниц книги *Oculos Dei Templaris*?

— Да, именно так, — ответил Давыдов. — И я не мог не позвонить тебе. Во-первых, я помню, что ты когда-то интересовался этой книгой. А во-вторых, ты некогда увлекался криптографией, даже участвовал в каких-то конкурсах. Я хотел попросить тебя помочь мне с расшифровкой.

Сергею на миг показалось, что по лицу Верховского пробежала тень. Андрей отвёл взгляд и долго молчал, прежде чем ответить.

— Знаешь, мне было бы интересно поработать с этим текстом. Но, во-первых, это требует большого количества свободного времени, а его у меня сейчас практически нет. А во-вторых... Сергей, во-вторых, я хочу тебе сказать вот что. Все, кто так или иначе занимался этой книгой, закончили очень печально. Ни один из них не умер своей смертью. И тебе я тоже категорически не рекомендую в это лезть.

— Иными словами, ты не в деле? — немного помедлив, спросил Сергей. В его голосе слышалось разочарование.

— Прости, дружище, но нет. Я знаю, тебя переубеждать бесполезно — ты всегда был упрямым. Но я хочу тебя попросить, чтобы ты был осторожен. И никому не верь.

— Что ты имеешь в виду, Андрей?

— А то, что я кое-что слышал про исследования в России, Германии и некоторых других странах, посвящённые этому артефакту. Например, несколько лет назад в Берлине был убит профессор Курт Вандерхофф, который после ряда публикаций дал местному каналу интервью о тайнах тамплиеров. Домой в тот день он не доехал. Его зарезали в вагоне метро среди бела дня. Убийцу так и не нашли. А его жена, которая помогала ему на кафедре, через неделю случайно оступилась на лестнице и смертельно ударила головой о ступеньку. Случайность? Не думаю.

— Хм... Вечер перестаёт быть томным. А у нас в России кто занимался этой темой?

— Насколько я помню, кроме Саши Ордынцева, который погиб в очень странном ДТП, в середине лихих девяностых в Петербурге был застрелен журналист Илья Нестеров. Он проводил журналистское расследование о нелегальном рынке антиквариата. В одной из его последних статей он упомянул неких охотников за древностями, чёрных археологов и так далее и анонсировал большое интервью с разоблачениями. В тексте несколько раз мелькало название некой книги *Oculus Dei Templaris*. Утром того дня, когда он собирался на прямой эфир, его застрелили в подъезде собственного дома. Два выстрела в голову. Профессиональная работа. Дело так и не раскрыли.

— Да, интересно получается. Как всегда, меня в самое пекло.

— Сереж, я поэтому сам не хочу лезть в эту тему и тебе не советую.

— Ну, лезть в неё мне всё-таки придётся. Я уже дал согласие Корвуду и взял аванс. Но спасибо за откровенность.

Дальше друзья ещё около часа говорили на отвлечённые темы — вспоминали детство, общих знакомых, строили планы на будущее. Давыдов старался не злоупотреблять алкоголем перед завтрашней встречей, но всё равно почувствовал, что его немного развезло.

По дороге в гостиницу Сергей переваривал информацию. Гибель нескольких человек, работавших над темой *Oculus Dei Templaris*, его не сказать чтобы напугала, но насторожила. Он понимал, что таких совпадений не бывает. Слишком много смертей, слишком много «несчастных случаев». Ещё очень беспокоила мысль о том, чем именно сейчас занимается отец Саши и Лены Ордынцевых. Старый генерал, человек с железной волей и непростой судьбой, был Давыдову очень симпатичен. Но виделась они уже давненько. Так что его психическое состояние могло сильно измениться. Уже закрывая глаза в постели, он решил, что по возможности тоже к нему заедет. А пока — завтра его ждала Москва, «Пальмира» и Софья Горская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.